

А. Е. АНИКИН (Новосибирск)

ЮКАГИРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ

1. Подход к рассматриваемой теме намечен еще В. Г. Богоразом, отметившим в своем словаре русско-колымского диалекта («наречия») имеющиеся в нем юкагирские элементы, правда, в основном без указания конкретного юкагирского источника. Этимологии этих элементов уточнены в статье Й. Ангере о юкагирско-русском лексическом взаимодействии (Angere 1960).

Возвращение к теме юкагирских заимствований в русских диалектах целесообразно уже потому, что недавно опубликованный словарь Г. Н. Курилова (ЮРС) дает для этой темы новый материал. Некоторое количество дополнительных юкагирских данных содержится и в других публикациях (ЮФ; Жукова). Имеются новые сведения по русской лексике из тех мест, где обитают или обитали юкагиры. Речь идет прежде всего о лексике русско-нижнеиндигирского диалекта, которая не учитывалась в упомянутой статье Й. Ангере, опиравшегося на русско-колымский диалект.

Низовья Колымы и Индигирки в первой половине XX в. остались единственными районами севера Якутии, где компактно обитали русские старожилы края — сильно смешанные с аборигенным населением потомки землепроходцев XVII в. Общая численность русских старожилов на Колыме и Индигирке в 20-е годы XX в. составляла около 1200 человек (Гурвич 1966 : 251), причем на Колыме жила большая их часть. К 1985 г. в низовьях Индигирки оставалось немногим более 500 русских старожилов. В конце XIX — начале XX в. русские на Индигирке размещались в 29 мелких селениях главным образом в ее дельте, где находится и самое крупное из них — Русское Устье (в 1942—1988 гг. — Полярный). Имеющиеся источники по русско-индигирской лексике (Зензинов; Биркенгоф; ФРУ; Чикачев; см. также СРНГ) — относительно богатые, но отнюдь не исчерпывающие и, как правило, фонетически не совершенные — происходят преимущественно именно из Русского Устья.

Разные родо-племенные группы юкагиров были основным этническим элементом, который встретился русским пришельцам XVII в. на северо-востоке Сибири, в том числе на Индигирке и в ее бассейне. Каждой из этих групп, по всей вероятности, был свойственен особый юкагирский диалект или язык. Контакты русских с юкагирами на Индигирке и Колыме становились теснее по мере возникновения там (как и на Яне, Лене и т. п.) постоянного русского населения, обращения юкагиров в христианство, распространения русско-юкагирских браков. Но с течением времени для русских

большую актуальность приобретали контакты с эвенями, чукчами и прежде всего с якутами. Юкагирский же этнический элемент утрачивался, подвергаясь ассимиляции (нередко юкагиры вливались именно в состав русских старожилов) или вымирая. В междуречье Яны и Индигирки юкагирский язык исчез около середины XIX в. Во второй половине того же века забыли свой язык юкагиры-поречане Нижней Колымы (Гурвич 1966 : 142—143). Уже к началу XX в. юкагиры составляли «лишь отдельные островки, окруженные пришлым населением» (ЮИЭО 20). Сохранившие свой язык юкагиры (общим числом около 400—500 человек) в настоящее время живут в тундре к западу от низовьев Колымы в Нижнеколымском районе Якутии (тундренный юкагирский диалект или язык¹), а также в Верхнеколымском районе Якутии и в Магаданской области (колымский / верхнеколымский или лесной юкагирский диалект или язык).

Изучение юкагирских заимствований в русских диалектах Индигирки и Колымы интересно не только для выяснения истоков их словарного запаса, но, возможно, и для получения каких-либо сведений о лексике исчезнувших юкагирских диалектов или языков. Разумеется, речь может идти в лучшем случае о косвенных сведениях, поскольку значительная часть юкагирского языкового и культурного наследия безвозвратно утеряна, а сохранившаяся подверглась сильной нивелировке вследствие массовых миграций и перемешивания населения после прихода русских на северо-восток Сибири (Гурвич 1966 : 62).

Приводимые ниже наблюдения представляют собой посильные дополнения к статье Й. Ангере. Топонимастический материал, как тема для особого исследования, не затрагивается.

2. Юкагирский пласт в культуре русских индигирщиков и колымчан бесспорно очень значителен. По существу, они «унаследовали исконные промыслы поречных юкагиров — рыболовство, собаководство, поколку диких оленей и охоту на линных гусей... Характерно, что поселения русских старожилов на Индигирке (Бурулгино, Русское Устье) и на Колыме (Край Лесов, Походск, Нижнеколымск) образовались на местах «зверовых плавежей», т. е. участков, где юкагиры охотились на мигрировавших диких оленей» (ЮИЭО 32—33; ФРУ 339—346). Однако юкагирский вклад в культуру русских старожилов не ограничивался ее материальной стороной.

2.1. В месте компактного проживания верхнеколымских юкагиров, селении Нелемное неподалеку от Зырянки (центр Верхнеколымского района Якутии), А. Б. Ключевский примерно в 1985 г. записал местное рус. *айвй* 'душа умершего, обладающая способностью вселиться в новорожденного', с которым явно следует отождествить рус. н.-индиг. *ай-вьй родилсья* 'о ребенке, который родился с родимым пятном (по поверью, он «родился вместо кого-либо из умерших родственников, также имевшего родимое пятно»)'. (Биркенгоф 173). Запись *ай-вьй*, вероятно, следствие стремления осмыслить непонятное слово. То же стремление, возможно, проявилось и в н.-индиг. *ояви* (приходить) 'об умершем, возвращающемся с того света под видом новорожденного' (Чикачев 117, 128). Форма *ояви* может быть обусловлена народно-этимологическим притяжением (возможно, в идиолекте собирателя, А. Г. Чикачева, русскоустыинца по рождению) к рус. *наяву*, *явиться* и т. п. Несомненно, что рус. *айвй*, *ай-вьй* (родиться) и *ояви* (приходить) происходят из

¹ Как известно, есть определенные основания считать сохранившиеся юкагирские диалекты самостоятельными близкородственными языками.

юкагирского источника, близкого или тождественного юкК *айбии* 'душа, тень умершего' (ЮФ 1 : 14, 48, 137), *ajbi* 'дух-хранитель; тень, (душа человека)' (JDW 5), ср. производные *айбидьии* 'мир мертвых, верхний ярус нижней земли' (ЮФ 1 : 14—15; 2 : 70), *ajbizi* 'царство теней' (JDW 5).

Верхнеколымские юкагиры считали, что о возвращении *айбии* того или иного человека можно узнать из сновидений или по примете на теле младенца. Кроме того, человек мог пообещать кому-то приход своей *айбии* после своей смерти, и это позволяло узнать, чья *айбии* появилась в какой-то семье вместе с новорожденным (ЮФ 1 : 137). Сходные поверья были известны и русским индигирщикам, считавшим, что вернувшегося *ояви* человека можно узнать по сновидениям, родимым пятнам, рубцам на теле младенца и т. п. (Чикачев 117). Обычай верхнеколымских юкагиров делать отверстия в крышке гроба (ЮИЭО 50), представляющий «языческое» наслоение на воспринятый ими в конце XIX в. христианский похоронный обряд, несомненно, объясняется желанием возвращения *айбии* умершего. Видимо, по этой причине русско-устыинцы делали отверстие в крышке гроба (Чикачев 128, 178—179).

Как целое, рус. *ояви* *приходить* и *ай-вы* *родиться* могут быть передачей (полукалькой-полузаимствованием) оборота типа юкК *ajbi* и *ket-*, где *ket-* 'приходить, возвращаться' (JDW 112), ср. *айбигии кэлул* 'тень вернулась' — «так говорят о младенце, когда уверены, что с ним появилась тень умершего ранее родственника или уважаемого человек» (ЮФ 1 : 158). Приглагольное употребление *ай-вы* / *ояви* обуславливает функционирование этого слова в качестве наречия.

А. М. Певнов (письменное сообщение) сопоставляет юкК *айбии* с эвенк. зап. *ңэви* 'покойник; дух умершего предка', ср. также эвен. Ск. *ңэби* 'невидимка, о шамане' (ТМС 1 : 658). По всей вероятности, юкК *айбии* < тунг. Слово могло попасть сначала в крайнезападные (возможно, на Оленеке, Лене) и после прихода русских рано исчезнувшие юкагирские диалекты. Согласно А. В. Дыбо, следует реконструировать прат.-м. **ńabi-* < праалт. **niabi-* 'призрак, покойник', откуда тюрк. **jebin* то же. Эти факты она сопоставляет с ф.-у. **nojta* 'шаман, колдун' (Дыбо 1996 : 15, 40; UEW 307).

2. 2. Н.-индиг. *алгажнй* 'деревянные палки, в которые вставляется металлический скребок для обработки шкур' (Чикачев 141) < юкагирского, ср. юкК *ангажи* 'скребок с круглым, без зубов лезвием; тальниковая палка с каменным скребком в середине' (Жукова 135), *ангази* 'каменный скребок для обработки шкур' (JDW 15), юкК *ангари*(н) 'скребок', *ангари ноно* 'рукоять скребка (вогнутая палка, куда вставляется скребок)' от *анги-* 'соскребать, снимать мездру (со шкуры); расчесывать волосы' (ЮРС 29; Крейнович 1982 : 84). Ввиду соответствия юкК *ж* ~ юкТ *р* (< **ńǰ* < **ńč*, см. Николаева 1988а : 82—83) рус. -жн- в *алгажнй* можно объяснить как метатезу из -нж-: *алгажнй* < **ангажи* (с дистантной диссимилиацией н...н > л...н) < **анганжи* < **анганджи* < юк. **анпанǰи* < **анпанǰи* (с осмыслением исхода слова как показателя множественного числа в русском).

2.3. Колым. *андыльщина*, *андыльщина*, *андыщина* 'импровизированная песня по преимуществу любовного содержания', *андыщина на юкагирской склон* 'один из основных напевов андыщины' (Богораз 20, 174), н.-индиг. *анадыльщина* 'песенное предание; лирическая песня, сочиненная для себя и про себя' (Чикачев 141) могут быть истолкованы как дериваты с суффиксом -щина на основе заимствования из источника типа чуван. *andyła* 'юноша', ср. юк. *adil*, ст.-юк. *andel*, *antil* то же (Богораз 20; TAILLEUR 1962 : 64; Николаева 1988б : 45; Angere 1960 : 135).

2.4. На юкагирское происхождение рус. колым. *гинджил* 'нижний край полы шатра' указывал еще В. Г. Богораз (Богораз 38). Согласно Й. Ангере, его следует сравнивать с юк. *šizil*, *širil* 'нижняя часть юрты' (Angere 1960 : 139), ср. юкК *шидил* 'нижний край кожаной покрышки урасы' (Крейнович 1958 : 272), юкТ *цирил* то же (ЮРС 260). Соответствие юкК *š* ~ юкТ *p* предполагает исходное **-nš-* < **-nč-* (см. 2.2) Рус. *гинджил*, как и *алгажнй*, возможно, отражает архаичную форму юкагирского слова. Однако начальное рус. *g-* непонятно. Не исключено, что речь идет о простой опечатке или описке, и следует исходить из рус. *чинджил* (смешение *g/ч* в русской лексикографии не редкость). Тогда рус. *ч-* при юк. *š-* ~ *s-* может быть отнесено на счет мужского произношения в юкагирском (ср. Николаева 1988а : 82—83). Можно предположить также, что рус. *g-* отражает утерянный юкагирский источник с начальным звуком типа *h-*.

2.5. Н.-индиг. *илуга* 'выражение зависти' (Чикачев 149), *илуга*, *илуго*, *илого* то же (Биркенгоф 181) < юк., ср. юкТ *иилугэ* 'о, тоска!', от *иилуу-* 'причинять кому-либо душевное влечение и приятно тягостную грусть, тоску по себе' (ЮРС 53). Сходное происхождение, вероятно, и у рус. колым. *илоги* 'вот хорошо', *лыгй* 'славно, хорошо' (Богораз 61, 77), в связи с которыми В. Г. Богораз приводил ст.-юк. *илуги-йо* 'выражение сострадания: бедняжка!' (там же). Надо заметить, что юкТ *иилуу-* очень похоже (возможно, родственно) на юкТ *йэвлуу-* 'быть милым, славным, привлекательным', ср. *йэвлуу* 'любимый, милый', *йэвлугэ* 'бедняга! милый!', *йэвлугэкаа* межд. 'о, миленько!' (ЮРС 86; Крейнович 1958 : 220: юкК *жэвлугэ* 'бедняжка! жалко!'). Семантически русско-колымские междометия ближе к юкТ *йэвлугэкаа*, чем к юкТ *иилугэ*.

2.6. Колым. *моняло* 'полупереваренная кашаца зеленоватого мху, содержащаяся в большом желудке оленя (употребляется в пищу чукчами и ламутами)', *моняльна кашка* 'каша из моняла с примесью крови и жира' (Богораз 82), н.-индиг. *маняло* 'содержимое желудка животного' (ФРУ 92), камч. *маняло* 'коряжское кушанье из полупереваренного мха в желудке оленя' (СРНГ 17 : 367) Й. Ангере сравнивал с чуван. *таняло* 'живот' (Angere 1960 : 140). Все же последнее само выглядит как русизм (возможно, обратное заимствование). Целесообразнее опираться на юкТ *моньил* 'живот, брюхо; все содержимое в животе (у животных)' (ЮРС 150; Крейнович 1958 : 275), юкК *тóniol* 'полупереваренный мох в желудке у оленя' (Tailleur 1962 : 72). Сопоставление *моняло* ~ *маняло* с рус. курск., твер. *моня* 'брюхо, пузо' (Angere 1960 : 140) неоправдано.

2.7. Н.-индиг. *мотылёк* 'почка гуся' (СРНГ 18 : 307), *мучилёк*, *мутылёк* 'птичий желудок' (СРНГ 19 : 34, 41; Чикачев : 152) заимствованы из юкагирского источника типа юкТ *мочил* 'желудок (птиц)', *йаңдэн мочил* 'желудок гуся' (ЮРС 69, 152), ср. юкТ *йаңдэ* ~ *йаңрэ* 'гусь'. В русском использован уменьшительный суффикс — 'ок. Колебание вокализма *-o/-y-* обусловлено влиянием губного *m-*. Это объяснение и семантически и географически предпочтительнее, чем отнесение к праслав. **motyl'ькъ*, как предлагается в ЭССЯ (20 : 87). Существенно, что речь идет о названии весьма важного продукта питания, который юкагиры потребляли в пищу в сыром виде (ЮИЭО 39). Он был хорошо известен и русскоустыинцам. Юк. *йаңдэн мочил* в русско-нижеиндигирском передается словосочетанием *гусиные мучильки* 'очищенные гусиные желудки, особенно чуть протухшие, которые поедались в сыром виде' (Чикачев 91). Несомненно, *йаңдэн мочил* является также (или было в прошлом) названием блюда.

2.8. Н.-индиг. *пангил* 'шпангоут, распорка в лодке' (Чикачев 79, 156), *пангил* 'шпангоут' (СРНГ 25 : 194) < юк., ср. юкТ *пангүл* 'распорка, перекладина;

перекладина поперечная (в нарте)', *пангултэ*- 'приделать распорки к челноку' (ЮРС 217). Более широкое значение юкагирского слова, а также юкагирское происхождение дощатых нижеиндигирских лодок (Биркенгоф 172: ЮИЭО 38) подтверждают направление заимствования из юкагирского в русский.

2.9. Глагол *халить* 'обжигать' в русско-нижеиндигирской загадке «старый старичок у огня спинку халит» (с отгадкой: посуда для заваривания клея, см. ФРУ 283), а также образованные от него причастия *халеный* 'обоженный' (Чикачев 164), *подхаленный*, *подхаленный* 'поджаренный' (СРНГ 28 : 233) объясняются на базе источника типа юкТ *хаальэ*- 'подгореть, обуглиться' (ЮРС 290). Рус. н.-индиг. *халя* 'гарь, обгорелая часть чего-либо' (Чикачев 164) также происходит из юкагирского, ср. юкТ *хаальэ* 'пригорелое место; нечто обгорелое, обуглившееся, древесные или тальниковые угольки' (ЮРС 290).

2.10. Колым. *шухома*, *шухама* 'как попало, наобум' (Богораз 159), *шухумэ* (*говорить*) 'несерьезно, попусту' (запись А. Б. Ключевского около 1985 г. в селении Нелемное), н.-индиг. *шухума* 'зря, напрасно' (Чикачев 166), 'зря, из-за пустяка, без причины' (Биркенгоф 191), *сегома*, *сухума*, *шухума* 'зря, без толку' (ФРУ 382; Зензинов 212), несомненно, связаны с юкК *шукумэ* 'бесполезно, напрасно, зря' (запись А. Б. Ключевского), эвен. Алл. *сукумэ* 'бесполезно' (ТМС II 123). Сравнение эвенского слова с якут. *суох* 'не, нет' (ТМС II 123) ошибочно.

Направление заимствования (из юкагирского в русский и в эвенский, а не иначе) устанавливается благодаря очень правдоподобному предположению (Крейнович 1982 : 162, примечание 5) о родстве юкК *шукумэ* и юкТ *сукин* 'в необжитом пространстве (далеко от жилья); попусту, ни к кому не обращаясь, в пустое пространство; без причины; самовольно, по прихоти; без спросу, без приглашения; кому попало, куда попало; невпопад; очень, весьма, прямо-таки' (ЮРС 265), *šukin* 'в тундре, на безлесном месте' (JDW 231). Указанные рус. *шухома* и т. п. следует отделить от внешне сходных колым. *шухоба* 'суета', *сухоба*, *сухобот* то же, *сухобытиться* 'суетиться' (Богораз 139), волог. *шухоботить* 'возиться, суетиться, копать', *шухоботь* 'шум, беспокойство', *шухма* 'брань, ссора' (Даль IV 550) и близких слов исконно русского происхождения (Аникин 1988 : 86—87; ср. Фасмер IV 492—493; Лиукконен 1987 : 157). Н.-индиг. *шухумиться* 'шуметь, возиться' (Чикачев 166) может быть результатом контаминации.

Варьирование *шухома* ~ *шухумэ* ~ *сегома* ~ *сухума* в русском, в частности, -а/-э и ш-/с-, а также фонетический облик этих форм в целом вполне согласуются с допущением их юкагирского происхождения. Весьма вероятно, что в диалекте юкагиров — жителей низовьев Индигирки было слово типа *сухумэ*, откуда рус. н.-индиг. *сухума* (форма *сегома* не очень понятна), эвен. Алл. *сукумэ*. Частые в фольклоре Русского Устья (вероятно, и в обычной речи) контексты вроде *пошел сухума / сегома* (ФРУ 98) значат, собственно, 'пошел в сторону от жилья, неизвестно куда, наобум' и могут быть полукалькой-полузаимствованием речений наподобие юкТ *сукин* *мираай* 'зашагал наугад, не думая о том, куда, в каком направлении идет' (Курилов, Маликова; толкование *пошел сухума* 'пошел по суху' в ФРУ 95 ошибочно).

Е. А. Крейнович определил юкТ *сукин* = *сукин*' как одно из реликтовых существительных, служащих для ориентации в пространстве и присоединяющих к себе падежные показатели наречий места, ср. *суки*' из неопре-

деленного пространства' или *сукид' эврит' ијэң* 'в пустое место пойду' — условное обозначение ухода на промысел (Крейнович 1982 : 162). В источниках как будто не отмечалось, но в действительности вполне могло существовать рус. *сухума / шухума пойду* 'пойду на охоту' = 'в пустое (где нет жилья) место пойду'. Стоит напомнить о рус. (северо-восточная Сибирь) *за дом / избу* 'отправляться) на промысел', калькирующее ст.-юк. *nutä-jäklin* то же (Йохельсон 1900 : 17—18), ср. юкК *nutä* 'дом', *-jäklin* 'сади, за' (JDW 89; Крейнович 1958 : 217).

3. Юкагирское происхождение нескольких русских слов возможно или не исключено, но нуждается в конкретизации источника заимствования (он может оказаться и неюкагирским): н.-индиг. *агэды* 'длинные меховые сапоги' (Чикачев 141), *агиды* 'обувь из оленьих камусов с голенищами' (Биркенгоф 177); н.-индиг. *могун* 'внутренности животного' (ФРУ 382), *могун* 'живот' (Чикачев 152), ср. 2.6; колым. *хальбай* 'камень для скобления шкур' (Богораз 150).

3.1. Н.-индиг. *мольча* 'хорошо, прекрасно; очень, сильно', колым. *мольче* 'приятно, хорошо; очень; прямо, откровенно, попросту; прямо, не сворачивая, совсем как; просто, прямо' (СРНГ 18 : 250) явно идентичны якут. Колыма *tuolča ~ tolča ~ tolča* 'непрерывно' (ДСЯС 127). Однако якутское слово само заимствовано из рус. *мольче* или вместе с последним происходит из третьего источника, который пока не ясен. Объяснение якут. *tolča* из рус. *молча* 'без слов' (в контекстах типа *работать молча, писать молча* = 'работать, писать упорно, беспрестанно', см. Коркина 1992 : 104) похоже на народную этимологию.

3.2. Н.-индиг. *чандала* мн. 'остатки жилищ древних юкагиров' (Зензинов 131), *чандалы* мн. 'заброшенные упавшие жилые строения' (Биркенгоф 190), *чандаль*: «народность, по сказаниям, самая старинная... Постройки оставшиеся называются *чандалы*» (ФРУ 217) обнаруживает параллель в якут. Индигирка *čandala* 'жилище, основание которого глубоко в земле, а наземные стены возводятся как у урасы, без окон, с отдушиной наверху' (ДСЯС 231). Однако якутское слово, как и в случае с *мольче* (см. 3.1), происходит из рус. *чандала* или вместе с последним заимствовано из третьего источника — скорее всего, юкагирского. Согласно Г. Н. Курилову, существует юкТ *чандал* 'деревянное гнездо' (ЮИЭО 87). Но в составленном им ЮРС такого слова нет.

Сокращения

Диалекты и говоры русского языка: волог. — вологодский, курск. — курский, камч. — камчатский, колым. — колымский, н.-индиг. — нижнеиндигирский, твер. — тверской; ст.-юк. — староюкагирский язык, чуван. — чуванский диалект староюкагирского языка; прат.-м. — пратунгусо-маньчжурский язык, тунг. — тунгусские языки, эвен. — эвенский язык, говоры эвенского языка: Алл. — аллайховский, Ск. — саккырырский, эвенк. — эвенкийский язык, зап. — западные диалекты эвенкийского языка; юк. — юкагирский язык, диалекты юкагирского языка: юкК — колымский, юкТ — тундренный; якут. — якутский язык.

Биркенгоф — А. Л. Биркенгоф. Потомки землепроходцев, Москва 1972; Богораз — В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. — Сборник Отделения русского языка и словестности Академии Наук 68, Санкт-Петербург 1901; Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка 1—4, Москва 1955; ДСЯС — М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. В. Васильев, Диалектологический словарь языка саха, Новосибирск 1995; Жукова — Л. Н. Жукова. Одежда юкагиров, Якутск, 1996; Зензинов — В. М. Зензинов. Старинные люди у Холдного океана. Русское Устье Якутской волости Верхоянского округа, Москва 1913;

Курилов, Маликова — Г. Н. Курилов, А. Ф. Маликова, Юкагирский фольклор (рукопись); СРНГ — Словарь русских народных говоров 1—30, Москва—Ленинград 1966—1997; ТМС — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков I—II, Ленинград 1975—1977; Фасмер — М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка I—IV, Москва 1964—1973; ФРУ — Фольклор Русского Устья, Ленинград 1987; Чикачев — А. Г. Чикачев, Русские на Индигирке. Историко-этнографический очерк, Новосибирск 1990; ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков 1—24, Москва 1974—1995; ЮИЭО — Юкагиры. Историко-этнографический очерк, Новосибирск 1975; ЮРС — Г. Н. Курилов, Юкагирско-русский словарь, Якутск 1990; ЮФ — Л. Н. Жукова, И. А. Николаева, Л. Н. Демина. Фольклор юкагиров 1—2, Якутск 1989; JDW — J. Angere, Jukagirisch-deutsches Wörterbuch, Uppsala 1957.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин А. Е. 1988, Тунгусо-маньчжурские этимологии II. — Грамматическая и семантическая структура слова в языках народов Сибири, Новосибирск, 80—97.
- Гурвич И. С. 1966, Этническая история северо-востока Сибири, Москва.
- Дыбо А. В. 1996, Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс), Москва.
- Йохельсон В. И. 1900, Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора I. Образцы народной словесности юкагиров, Санкт-Петербург.
- Коркина Е. И. 1992, Северо-восточная диалектная зона якутского языка, Новосибирск.
- Крейнович Е. А. 1958, Юкагирский язык, Москва.
- 1982, Исследования и материалы по юкагирскому языку, Ленинград.
- Лиукконен К. 1987, Восточнославянские отглагольные существительные на -m- I. Существительные на *-m-/*-ma-/*-mo-. — *Slavica Helsingensia* 5, Helsinki.
- Николаева И. А. 1988a, О соответствиях уральских аффрикат и сибилантов в юкагирском языке. — СФУ XXIV, 81—89.
- 1988b, К реконструкции праюкагирского языкового состояния. — Язык—миф—фольклор народов Якутии, Якутск, 43—49.
- Angere J. 1960, Die russisch-jukagirischen lexikalischen Berührungen. — *Zeitschrift für slavische Philologie* XXIX/1.
- Tailleur O. G. 1962, Le dialecte tchouvane du youkaghir. — *UJb*. XXXIV, 55—99.

A. J. ANIKIN (Novosibirsk)

YUKAGIR BORROWINGS IN RUSSIAN DIALECTS

New lexical data on both the living Yukagir dialects and the Russian dialect of the Lower Indigirka give an opportunity to enlarge and specify the list of Yukaghir borrowings presented in J. Angere's article of 1960 "Die russisch-jukagirischen lexikalischen Berührungen". The dialecticisms айвй, алгажнй, андыльщина, гинджыл, моняло, мотыльк, пангыл, халить, шўхома are considered. Some of them may reflect the non-attested or the lost variants of yukagir words.